

27 МАР 1977

Каним будет завтра искусство? Скажем, цирк? Коснутся ли его меняющиеся ритмы времени?

В. РЕЗНИКОВА, студентка.

БУДЕТ ТЕАТР КЛОУНА

МЫ РЕШИЛИ заглянуть в творческую мастерскую — репетиционную базу московских коллективов «Цирк на сцене» — к известному клоуну, заслуженному артисту РСФСР, обладателю золотой маски Грока, принимающему аплодисменты жителей Венгрии, Польши, Болгарии, Японии, Швейцарии, ФРГ, Австралии, Италии, Скандинавии... Андрею Николаеву, знакомому всем по манежному прозвищу Андрюша.

— Чего вы все время смеетесь?.. А если я сейчас возьму и отклею этот свой нос и вообще сниму с себя грим, это будет уже не смешно? — И он снял с себя нос, парик и стал очень серьезным.

— А я и не смеюсь, — вырвалось у меня.

Он обернулся к дверям, в которые заглядывала неосторожно выдавшая себя я, и огорченно спросил:

— Что же, совсем не смешно?

— Не то чтобы совсем... но, признаюсь, не ожидала, что вы такой серьезный.

— Вообще-то я люблю, чтобы все смеялись, мне, знаете... — и он не по-клоунски, а так просто закинул назад голову, покачиваясь на стуле, — нравится дарить смех, раз-да-вать... Но мне хочется, чтобы к смешному подходили серьезно. Непонятно?

— Понятно. Это что же, вы репетируете номер?

— Пьесу...

Так совершенно неожиданно для себя я увидела клоуна, который ставит свою, настоящую пьесу и заглядывает частенько в томики Шекспира, Мольера, думая над сценарием. Потому что дело даже не в пьесе, а в целом театре, над созданием которого работает сейчас Андрей Николаевич Николаев. Не так давно он покинул манеж, чтобы превратиться в профессионального режиссера (кстати, по образованию он и есть режиссер). Это будет первый эксцентрический театр, идея которого родилась даже не только из личных побуждений клоуна. Пожалуй, к ней подвело само время.

— Я хочу, чтобы главным был актер, действие, завязанное в сюжет. В номере нужна драматургия, образ.

— Но это уже искусство.

— Именно. К нему-то я и стремлюсь. Хочется, чтобы зрители в зале не только смеялись, а думали...

— Мы уже видели так называемый цирк на сцене, к вам это близко?

— Пока это были только отдельные выездные номера. Я же говорю о целевом представлении.

— Кто будет главный герой?

— Клоун. Все привыкли к тому, что он заполняет паузы между номерами. А клоун может сделать свой спектакль. Я буду закручивать все номера и входить в каждый жанр — батуд, гимнастику, акробатику, дрессировку...

Он медленно прошагивается по репетиционному залу, сверкающему зеркалами. Оглядывается по сторонам. Потом, вдохновенно сучая, гадает:

— В кого бы влюбиться? В дрессировщицу? — Озверею... А влюбиться как хочется! Придумал! — И узнаю снова Андрюшу, лукавого и смышленного, он делает губы так — в обезоруживающей улыбке — и торжественно произносит: — Влюблюсь в воздушную гимнастку!

Как истинный джентльмен он отправляется в ее небесные апартаменты, легко поднимается по канату, ищет. А вот и она — изящная, хрупкая, он подает руку (пока — никому, артистка еще не пришла), он кружится (с нею), вытянув руки, в воздушном вихре, утопая в симфонии звуков, движений, взлетов... Но нужно спускаться на землю. И вот под ногами уже земля, деревянный натертый паркет, он предлагает земной танец. Но отчего клоун грустный, где его романтическая улыбка, почему опущена голова? — мне очень хочется спросить...

— Вы меня извините, надо бежать в институт. — И он безнадежно поглядывает на часы.

— А что же с гимнасткой?

— Вы так и не поняли? Впрочем, ведь еще трудно понять, я репетировал один. — И, уж надевая пальто, на ходу объясняет: — Мы просто спустились на землю. И я оказался у нее, как это говорят женщины (он улыбнулся), под каблуком.

Т. КИСЛИЦЫНА.